

Из прошлого.

Октябрь в Алтайской деревне.

Отгребели выстрелы на „Авроре“; 7-го ноября 1917 года власть в Ленинграде перешла в руки Советов. Вслед за Ленинградом эта власть утверждалась в Москве, на Урале, на Юге, на Севере России, смывая в бурном потоке обломки буржуазных устоев, ломая, коверкая все на своем пути, что связывало, поддерживало старую, дряхлую Россию.

Октябрь победно шествовал из города в город, перекидываясь на деревню, вздымая здесь пласти чернозема, организуя бедняков и батрацкие силы для удара на то, чем держалась в деревне буржуазия,—на кулаков.

Докатился Октябрь и до Алтайской губернии.

Спустя 2 месяца после того, как Ленинградский пролетариат, в союзе с Армией, утвердил власть Советов, начинает создаваться Советская власть в Барнауле.

Меньшевики и эсэры крепко держались за власть, всячески удерживаясь за каждый обломок от прошлого. В Городской Управе, в Земстве, в Земельном Управлении, в профсоюзах—везде, где только можно было, они шинели по адресу „кушки захватчиков, ведущих революцию к гибели“ и всячески старались протащить свои резолюции. Но рабочие г. Барнаула в них уже изверились и везде резолюции по текущему моменту проходили большевистские.

Большевиков было мало, организация была слаба. А дела было много, слишком много. Активу организации приходилось разрываться, для того, чтобы удовлетворять все митинги, собрания, совещания, съезды и, вместе с тем, вести огромную организационную работу по созданию аппарата Советской власти. И к этому надо прибавить тот саботаж, то глухое, а иногда и явное сопротивление, которое приходилось встречать со стороны обслуживающих аппарат чиновников.

— Не хотим подчиняться кучке захватчиков,—таков был общий волль всех саботажников того времени. Вот при каких условиях приходилось создавать Советскую власть в Алтайской деревне.

Конечно, не приходилось и думать о том, чтобы послать в деревню своих агитаторов-большевиков, которые бы разъяснили населению задачи Советской власти, помогли деревенской бедноте организовать Советы.

Для этого приходилось использовать только случайные силы, главным образом, демобилизованных фронтовиков, которые кое-чему научились, кое что слышали на фронте и в частях от большевистских

агитаторов. Снабжали наших случайных агитаторов литературой, инструкциями и направляли в деревню.

Но много они в деревне сделать не могли. В деревне эс-эры пустили довольно прочные корни, их агенты, в лице всяких кооперативных и пр. инструкторов, были опытными агитаторами, хорошо изучившими деревню.

Организация Советов по деревням началась в конце января 1918 г. До этого на местах были сельские и волостные земские управы, во главе которых почти сплошь стояли кулаки и эс-эровские ставленники.

Большая часть сельских советов организовалась в феврале, многие в марте и даже в апреле 1918 г., в особенности в отдаленных, глухих, медвежьих уголках, куда весть о создании Советской власти пришла с опозданием.

Проводниками идеи Советской власти в деревне, как уже сказано, были, главным образом, солдаты-фронтовики.

Возвратившись домой, они видели, что в деревне ничего не изменилось. На сельской сборне сидит кулак, беднота придавлена, помощи солдаткам не оказывается.

Вот, например, как описывается мыкание одного солдатика, вернувшегося с фронта, в с. Гоньбе, Барнаульского уезда.

Приехал солдатик домой, а семья голодная. Взял мешок и пошел на сборню спросить, где можно хлеба купить. Там его направили к гр. Духову. Пришел он к Духову, хозяина дома нет, бабы мнутся, чешутся, спрашивают, на что понадобился хозяин, а сами на мешок таково косо поглядывают. Объяснил солдатик, зачем он пришел и, боже ты мой, что тут вышло. Попало и большевикам, которые придумали у богатых хлеб осматривать, да распределять, попало и солдатику. Заявили, что хлеба у них у самих никак не хватит на два года, а родится нынче или нет, они не знают. Наконец, послали солдата к Уманьскому. А Уманьский говорит:

— Есть у меня мука, только не по твоему карману. Рубликов 80 за пуд могу уступить.

Закружилась голова у солдатика, думал ослышался. А Уманьский привел и причину, почему он так дорого оценил муку.

— Вот, видишь-ли,—пояснил Уманьский,—стоит у меня аппарат и если перегоню муку на самогонку, то возьму 100 рублей.

Послал Уманьский солдатика к Григорию Павловичу, а этот послал его к своему брату Василию Павловичу Конюхову. А этот запросил за муку золотом.

Так и вернулся солдатик ни с чем.

Конечно, засилье кулаков толкало бедноту на организованность, Кое-где начали возникать большевистские ячейки. Но чаще всего создавались кружки солдат-фронтовиков, которые и сплачивали вокруг себя бедноту.

Вот, например, в с. Б.-Яминском, Косихинской вол., в феврале, по инициативе фронтовиков Зыкова и Титова и местного учителя, был организован крестьянско-солдатский клуб. Целью его организации было „общее политическое самообразование его членов“. Будучи организацией, стоящей на платформе Советской власти, клуб считал своим гражданским долгом вмешиваться в общественные дела и всячески способствовать проведению в жизнь мероприятий Советской власти.

И вот, с помощью таких групп солдат-фронтовиков и небольших ядер большевиков, начали создаваться Советы.

Фронтовики-большевики собирали сходы, говорили о задачах Советской власти.

На сходах выносились резолюции:

„Принимая во внимание всю разруху нашего транспорта и надвигающийся на Советскую Республику голод, мы находим, что только народная Советская власть может успешно бороться с разрушой, ибо только этой власти мы можем доверять. Приветствуем“ и т. д. (с. Кашкалинское, Хмелевской вол.).

„Немедленно организовать Советы во всех селениях и приступить к выборам сейчас же, руководствуясь инструкцией, присланной Барнаульским Советом“.

„Отозвать всех членов, избранных от Алтайской губернии в Учредительное Собрание“ (Из резолюций гражд. села Локоть, Змеиногорского уезда, 18 февраля).

Инструкция Барнаульского Городского Совета заставляла организовывать Советы и там, где не было групп, поддерживающих Советскую власть. Но там в Советы почти сплошь проходили кулаки и их ставленники, завязтые пьяницы-самогонщики.

Показателем настроения таких деревень является резолюция, принятая гражданами села Полковниково.

В резолюции говорится:

„Во избежание разрухи, происходящей в городах и селах, и для водворения порядка и ведения общественных дел, избрать Совет Крестьянских Депутатов (или же как он будет переименован, смотря по течению общей политической жизни в Сибири), в который должно войти 25—30 человек“.

Что-же, дескать, создадим Совет, коли на то пошло, а там, „по течению общей политической жизни“, можно и переименовать, и опять старосту посадить.

Ясно, что резолюция писалась рукой прислужника-кулака или эс-эром, который предвидел, что Советская власть не погладит по головке кулака.

Но кулацкая сущность такого Совета особенно выявлялась в наказах.

В том-же Полковникове, в наказе Совету говорится, что он должен „твердо, со всем умением, не подвергая населения в безвыходное положение, защищать интересы граждан с. Полковниково перед высшими органами Правления, как уездными, так и губернскими“. Совет „должен проводить нововведения с пользой для населения, отстраняя из них, которые могут приносить ущерб хозяйственной жизни населения“.

И в таких кулацких Советах „защита интересов граждан“ сводилась к тому, чтобы не давать Советской власти хлеба, выгонять милицию, которая приезжала преследовать самогонщиков и т. д. Ясно, что верховоды-кулаки видели „в высших органах Правления“ своих врагов. Позднее, когда Советская власть стала укрепляться, с такими кулацкими советами приходилось вести борьбу, разгонять их, переизбирать, но не всегда от этого был толк.

Вот несколько случаев из истории этой борьбы.

В Озерно-Титовской вол., по предложению тов. Козюрина, члена Уездного Исполкома, граждане, большинством 122 чел. против 20,

„постановили“: ввиду „недемократичности Совета“ переизбрать его. Для защиты нового Совета решили создать боевую дружину.

В других селениях Озерно-Титовской вол. переизбрать Советы так и не удалось, так как Козюрину определенно заявили, что „довольны и старыми комитетами“. Так и уехал Козюрин, реорганизовав Совет только в одном селе.

В с. Средне-Краюшинском тов. Молоканов, выступивши на сходе с обличением старого Совета, упрекая его „в бездействии и в том, что он не стоял на платформе Советской власти“, был встречен бешеною ненавистью со стороны председателя Совета—кулака Губанова, который, скав кулаки, кричал: „я тебе морду набью“ и, обратившись к собранию с вопросом: хорош ли он, и получив поддержку от некоторых прихвостней, еще больше разъярился и говорил о тов. Молоканове, что „таких нужно живыми в землю закапывать“.

Усик, член Губисполкома,—выезжавший с отрядом в с. Ребриха для организации Советской власти, был встречен на сходе враждебно, и, ничего не сделав там, вынужден был вернуться обратно. Кулацкое засилье в Ребрихе победило.

В селе Бутырках, как доносил Начальник Милиции тов. Шеин,— „пьяная деревня, поджигаемая шайкой темных лиц, арестовала отряд милиции, дико избила его и пыталась предать самосуду“. Милиции удалось вырваться из этой деревни.

В некоторых волостях „земские управы“ так и остались до свержения Советской власти белогвардейцами.

Бедняки у власти.

Там, где беднота побеждала, становилась во главе, делались попытки, прежде всего, наладить в селе порядок, заставить кулаков исполнять распоряжения Советской власти.

Прежде всего надо было остановить самогоночную волну, которая буквально захлестывала деревню. Особенно в этом деле усердствовали кулаки, провозглашавшие „свободу винокурения“. Пьяный уггар толкал деревенских „горлопанов“, под руководством кулаков, на дикие самосуды, бесчинства и всякого рода хулиганства.

Бедняцкие советы начали упорную борьбу с самогонкой; для этого издавались приказы, назначались уполномоченные. И кое-где эти приказы и другие меры действовали.

Так, в селе Барнаульском, как сообщал корреспондент, „постановлениями Совета и проведением их в жизнь в корне уничтожена самогонка. Прекратилось хулиганство, дебоширство и другие ненормальные явления.

Жизнь деревни налаживается“.

В с. Локоть, Змеиногорского уезда, Совет постановил ввести штраф за самогонку—за аппарат 100 руб., за каждую бутылку 50 руб.

В с. Брусенцово, Барнаульского уезда, Совет признал борьбу с винокурением „вполне осуществимой“ и постановил „вменить в обязанность административной части строго следить, чтобы отнюдь никто не имел права ни продавать, ни купить и ни взять взаймы самогонки, а также строго следить за тем, чтобы никто не имел права являться в нетрезвом виде не только в общественных учреждениях, но и равно на улицах. Виновные будут подвергаться наказанию через посредство Революционного суда без всякого снисхождения“.

И так в целом ряде деревень, где беднота, чаще всего руководимая группами большевиков, вплотную бралась за борьбу с самогонкой. Конечно, такие мероприятия еще более настраивали враждебно к Советам кулаков, и по адресу "голытьбы" раздавались угрозы "расправиться".

Но еще больше злились кулаки, когда бедняцкие Советы принимались за борьбу со спекуляцией.

Борьба со спекуляцией сводилась к запрещению продажи хлеба и сырьевых продуктов. В том же селе Брусянцево Совет вынес постановление "запретить продажу хлеба на сторону"; за нарушение этого постановления "подвергаются аресту сроком на один месяц" и все излишки будут отобраны Советом "за половинную стоимость и ссыпаны в Кредитные Т-ва для передачи беднейшему населению".

Этим же постановлением запрещена торговля жирами, предметами первой необходимости и всяким сырьем. Все эти предметы должны были сдаваться в кооператив по установленным ценам.

Повалихинский Совет 27 марта задержал обоз из 18 подвод с разными товарами, принадлежащими барнаульским спекулянтам: Горшкову, Тушакову и Рахманову. В Гоньбе Совет отобрал было у спекулянтов мануфактуру и хотел ее передать кооперативу, но оказался слаб: кулаки захватили мануфактуру и распределили между собой.

В с. М.-Панюшево борьба со спекулянтами дошла до того, что спекулянты избрали свой исполнительный комитет. Дело началось с того, что Совет, "согласно декрета о подоходном налоге на класс имущих" решил на спекулянтов наложить "единовременный налог для перевозки демобилизованных солдат". В ответ на это спекулянты заявили, что Совета не признают и подчиняться постановлениям его не будут; никаких налогов не дадут. А затем избрали свой исполнительный комитет "исключительно из буржуев и спекулянтов".

В селе Зеркальском, где борьба бедноты с кулаками была особенно обострена, мероприятия Совета по борьбе со спекуляцией привели к разгону Совета и установлению кулацкой власти. Совет составил два протокола— первый на гр. Землянова, за продажу мануфактуры на пшеницу ($1\frac{1}{2}$ арш. ситца за пуд хлеба), второй на гр. Виноградова, командированного 17 Сиб. Стр. Полком для закупки мяса, которое он, закупив, продал местному спекулянту Землянову.

Это кулакам не понравилось, и они, съагитировав несознательную часть деревни, разогнали революционный, большевистский Совет.

Позднее этот Совет был переизбран, и власть опять перешла к беднякам, но об этом ниже.

Как еще одно из мероприятий бедняцких советов было— наделение землей непрописанных, так называемого 6-го номера.

В период войны в деревнях осело много крестьян-беженцев. Да и в результате расслоения оказалось много безземельных. В некоторых селах таких непрописанных и безземельных насчитывалось по несколько сот семейств. С установлением Советской власти они стали настойчиво стучать в двери сельских советов, требуя наделения землей. Иногда дело доходило до ожесточенных драк, кончавшихся смертными случаями; в некоторых селах непрописанных выгоняли (с. Тундриха).

Там, где была большевистская ячейка у власти стояла беднота, все неприписанные получали немедленно земельные наделы.

Из других мероприятий бедняцких Советов надо указать на борьбу их с порубками леса, с самосудами, путем организации революционных судов и пр.

Все эти мероприятия вводили деревню в русло планомерного строительства; советы укреплялись и сплачивались вокруг себя деревенскую бедноту.

Власть кулаков.

Иначе дело обстояло там, где в Советах прочно засели кулаки и их прихвостни. Там кулаки распоясывались во-всю. Вот несколько выдержек из сельских корреспонденций, рисующих кулацкое засилье.

В селе Нечунаево 10 февраля общим сходом решили организовать Совет Кр. Депутатов и немедленно провести выборы. Тут же были выбраны 40 человек, которые выделили из своей среды президиум. Большинство в Совет прошло из зажиточного населения. И вот, такой Совет сразу же проявил себя по-кулацки.

На собрании в толпе оказались два вора, похитившие пшеницу. Только что избранный Совет немедленно приступает к самосуду, и выносит тут же постановление: „каждому из преступников навесить на шею по пуду украденной пшеницы и в таком виде провести их по деревне“.

Дальше было постановлено дать им по 3 дня общественных работ, после чего „изгнать их из родной деревни“.

Затем Совет постановил положить духовенству жалованье: священнику—1.300 руб., дьякону—700 руб., и за всякие трябы по таксе.

Выгонку самогонки Совет решил продолжать, но для „собственной надобности“. За продажу и куплю ее—штраф по 25 руб.

Известное дело, где кулаки, там попы и самогонка.

Из с. Шадринцевского, Окуловской волости, корреспондент сообщал, что спекулянты и кулаки, состоя руководителями Совета, „действуют совершенно не по программе Советов... заботятся только о своих интересах“. Дальше корреспондент выражал надежду, что с приездом фронтовиков можно будет переизбрать Совет и выгнать из него кулаков.

В селе Колыванском (с. Дудинское) кулаки, во главе с волостным писарем Семенютой, вместо Дудинского волостного Совета Крестьянских Депутатов, создали „Дудинское волостное правление“. Вся власть сосредоточилась в руках Семенюты, волостного казначея Шегальцева и прапорщика Скворцова. И вот, эта кучка начала орудовать во-всю.

Прежде всего они заявили, что Дудинская волость „не признает Советской власти и не подчиняется современным большевистским законам, а потому, освобождается от всяких налогов,—государственных, губернских, уездных, а также прочих, кроме сельских“.

Дальше: „производство самогонки допускается беспрепятственно“. „Допускаются и различного рода развлечения: карточные игры и пр. Цены на хлеб произвольные“.

Для того, чтобы получить себе земли, Шегальцев запретил продажу, куплю и сдачу в аренду земли и „под предлогом сочувствия к ближним скупал у них арендованную ими землю, и, таким образом, в распоряжении Шегальцева оказалось достаточно количество земли, а 15 беднейших семей осталась совершенно без земли“.

второй врага у народу и каким-либо способом избежать этого не мог.
Здесь кулаки проявили свою кулацкую сущность до конца, и беднота ничего не могла с ними сделать.

В Нечунаевской волости 14-го апреля происходили перевыборы Советов и кулаки везде одержали верх. В Советы прошли „люди более зажиточного и правого течения“. В результате, как сообщает корреспондент, „население расстроилось до невозможности“.

В селе Красиловском, Чумышской вол., Совет постановил разрешить выгонку самогонки в неограниченном количестве и продавать ее по твердой цене—по 1 руб. за бутылку. Впервые в этом селе появился самогонный аппарат, который вырабатывал самогонку „паром“. Изобрел его член С.-Тарабинского Сельсовета Тузиков. Аппарат этот произвел на население большое впечатление.

Такое же постановление вынес Кытмановский Сельсовет, той же волости, только „твердую цену“ за бутылку самогонки установил дешевле—по 50 коп. Можно было бы привести еще целый ряд примеров кулацкого засилия и хозяйствования, но и этих достаточно. Кулаки сразу поняли, к чему стремится Советская власть, и старались спаивать самогоном население, чтобы крепче держать его в кабале.

Конечно, беднота в таких селах не смела пикнуть,—кулаки живо расправлялись с ней, где самосудом, где выселением из деревни. Неприписанные, конечно, и мечтать не могли получить землицы, кулаки им не давали ходу.

Пробовал Барнаульский Совет переизбрать такие кулацкие советы, пробовала милиция бороться с самогоном, но кулаки были прочно организованы и давали всегда отпор. Я уже указывал, как встретили милицию в с. Бутырках, где милиционеров избили. Но чаще всего милиция не могла попасть туда, куда было нужно. Почти все советы отменили сельскую и земскую гоньбу. Так, например, первым постановлением Шаховского Волостного Совета была отмена гоньбы, о чем он просил газету оповестить, чтобы население Алтайской губернии „заподозрило о желании жителей Шаховской волости и на земских лошадей не рассчитывать“. Был, например, такой факт. В. Чумышский Волисполком донес Начальнику милиции 1 участка, что в с. Н.-Тарабинском разогнан Совет, а Начальник милиции принужден был „отписаться“, что „выйехать для восстановления порядка не может, ввиду того, что на станции Полковниково нет трактовой ямщины“.

Организация кулаков против Советов.

В марте месяце 1918 г. Алтайский Губисполком издал постановление о сдаче всех хлебных излишков на ссыпные пункты, причем взамен хлеба предоставил обществам товары из центрального склада. Постановление предусматривало принудительные меры к изъятию излишков, предание революционному суду. Постановление говорило, что „подвоз хлеба необходим в интересах Республики“ и пр. И в то время, как беднота приветствовала это постановление и принимала все меры к изъятию излишков, кулаки поднялись на дыбы, и начали готовиться к упорной борьбе с Советской властью.

В некоторых селах реквизиция началась, но успеха не имела. В с. Гоньба богачи не допустили реквизиционную Комиссию к своим амбарам.

В с. В.-Жилинском члены Солдатско-Крестьянского Клуба, выступившие на сходе за то, чтобы сдать на пункт хлеб из хлебозапасного магазина, были встречены градом насмешек и издевательств со стороны кулаков, которые, спустя некоторое время, разделили этот хлеб между собой.

В Чистопольской вол., Змеиногорского уезда, кулаки, не довольные Советской властью и в особенности приказом о реквизиции хлеба, как сообщал корреспондент, „всякими неправдами и подкупами стараются разрушить эту власть, для чего действуют тайно, собираясь в домах своих приспешников“.

Во всех селах кулаки открыто повели поход против Советской власти. Контр-революция росла.

Кулакам пришли на помощь и попы. Они вели уже открыто контр-революционную агитацию, вооружая темную, несознательную деревню на избиение большевиков.

Из с. Рожнев-Лог, Змеиногорского уезда, корреспондент сообщал: „между несознательным крестьянством чья-то рука сеет вздорные слухи о Советах, кто-то натравливает крестьян на рабочих, и в особенности на Красную Гвардию. Хлеба на станцию доставляется совсем мало“.

В Нечунаевской волости поп Пушкин призывал граждан „выбросить из Совета председателя Павлюкова, так как он держится большевизма“. В с. В.-Жилинском попы съагитировали против учителей, приехавших с кинематографом прочитать лекции. Разъяренные кулаки чуть их не побили. В это же время поп Ефремов открыто призывал не давать хлеб рабочим.

В Новичихе, Барнаульского уезда, поп Федякин занимался распространением провокационных ложных слухов, рассказывая мирянам, что „в Омске красногвардейцы убили архиерея, что Советская власть ничего не может сделать без капиталистов и очень недолговечна“.

Так „батюшки“ помогали кулакам подготавливать контр-революцию против Советской власти.

В губернии стали создаваться открыто контр-революционные гнезда.

Весьма яркая корреспонденция о том, как кулаки подготавливают восстание, имеется из с. Белоглазово, Змеиногорского уезда. Постепенно власть в Чарышской волости (Белоглазово) перешла в руки кулаков,—сообщает корреспондент. „В Исполнительном Комитете осталось всего-на-всего 2 члена, да и тем делать нечего, так как все распоряжения остаются на бумаге, в жизнь не проводятся. Объясняется это тем, что село Белоглазово битком набито всякими отбросами. Есть здесь и подпольные министры (как слышат в народе), есть и плехановцы и черновцы, а уж о спекулянтах, кулаках и говорить не приходится. Одним из главных деятелей этого гнезда является инспектор высшего начального училища Глазунов, который участвовал в Сибирском Учредительном Собрании и то и дело скорбит о разгоне такового“.

Глазунов и его жена распускали слухи, что газеты скоро принесут известие о вступлении на престол государя. О реквизиции хлеба говорили, что большевики здесь берут хлеб по 6 рублей, а продают в Барнауле по 15 руб.

Другой матерый белогвардеец, начальник Почт.-Телеграфн. Конторы Селезнев, все время занимался травлей большевиков.

Братья Шивцовы скупали надельную землю у бедноты. И вот, эта теплая кампания добилась своего. Всякими подвохами и полным саботажем Совет был упразднен". По другому поступили кулаки с. Зеркальского, Барнаульского уезда.

Когда беднота там вновь захватила власть и занялась разрешением насущных вопросов: о наделении землей безземельных, об удовлетворении беднейших солдаток денежным пособием и пр., кулаки подняли восстание.

Вечером 8 апреля, как сообщает корреспондент, во время заседания Исполнительного Комитета явился в пьяном виде некто Кудрявцев (кулак) и стал придиরаться к собравшимся, угрожая разгромом вновь избранного Совета. При удалении из помещения, Кудрявцев произвел два револьверных выстрела, к счастью, никого не ранивших.

В этот вечер заседание благополучно закончилось и был разрешен целый ряд вопросов, в том числе обязательное постановление по борьбе с самогоном, хулиганством и т. д.

"На следующий день, вновь избранный Волостной Комитет призвал Сельский Совет в волость, где и избрали Исполнительный Комитет, в который вошли представители населения беднейшего и среднего достатка, а из богатых никого не выбрали.

При окончании собрания в волость вторгается пьяная ватага 5 человек, во главе с Кудрявцевым, и начинает поносить вновь избранный Совет, грозя разгромом.

Собрание решило разойтись, но не успели отойти от волости десятка саженей, как в подкрепление к первой ватаге появилась другая и тоже пьяная, человек в 10—15, во главе с Размановым (тоже известный в Зеркалах пьяница), угрожая и размахивая стягами и револьверами. Ворвавшись в волость, вышеуказанные лица взломали замки у канцелярского шкафа, взяли оттуда все делопроизводство, вместе с постановлениями нового Совета, и с этими трофеями двинулись на сельскую сборню.

10 апреля старый, уже смененный, Исполнительный Комитет созвал сход сторонников, на который сторонники левого блока решили не ходить. Оказавшийся случайно на сходе крестьянин среднего достатка Ив. Колодкин, сторонник левого блока, человек совершенно трезвый, пользовавшийся уважением, тем-же Кудрявцевым и др. был избит и брошен в каталажку. Весть об избиении Колодкина быстро разнеслась по селу и сторонники левого блока двинулись к сборне. Насильники, увидев толпу, Колодкина освободили, а сами разбежались, но все-же в это время успели переизбрать свой Совет. На собрании у них было до ста человек.

11 апреля старый Волостной Комитет созвал Совет, во время заседания которого в волость зашли Колодкин Тимофей и Овсянников Ник. Опять тот же Кудрявцев и др. набросились на пришедших, причем Колодкин вырвался и убежал, а Овсянников был избит и брошен в каталажку.

Убежавший Колодкин сообщил об избиении своим сторонникам, которые, в количестве 10—12 чел., в присутствии Н-ка Милиции, пошли к волости с требованием освободить Овсянникова и не только получили отказ, но наседавшая толпа, во главе с Кудрявцевым, угрожала избиением, вследствие чего присутствовавший милиционер сделал вверх выстрел.

После этого Кудрявцев и К-о ударили в набат, на который сбежался народ со стягами, револьверами, и начал наседать на защитников избитого Овсянникова, вследствие чего милиционер произвел выстрел, которым был легко ранен крестьянин Семенов.

Вернувшаяся в волость толпа извлекла из каталажки Овсянникова, и, предводительствуемая пьяным Кудрявцевым, убила. По предложению Кудрявцева, вынесено было постановление подвергнуть смерти еще целый ряд лиц, и, главным образом, вожаков организации „левого блока“, в особенности Чашкина, которого они считали главным руководителем блока. Все участники левого блока, во избежание эксцессов, вынуждены были из Зеркал выехать, причем Чашкин и Ив. Колодкин поехали на ст. Шипуново, но там уже были сторонники Кудрявцева и К-о и заявили Шипуновскому милиционеру, что Чашкин и Ив. Колодкин—убийцы, почему последние были арестованы и препровождены в Барнаул, где и были освобождены“.

В Зеркалах ярко сказалось расслоение деревни на кулаков и бедноту; борьба обострялась, но силы бедноты оказались слабы. Численно бедноты было, безусловно, больше, но кулаки проявили больше активности и, таким образом, вышли из этой борьбы победителями.

Борьба в Зеркалах является общей для всех алтайских деревень. Разница только в том, что не везде дело доходило до кровопролития. Кулаки выжидали, настораживались, и свою месть во-всю уже проявили тогда, когда власть Советов в Сибири была свергнута белогвардейцами.

Свидетельством этой мести служат известные и безвестные могилы, разбросанные по селениям Алтайской губернии, где скончаны первые борцы за Советскую власть в Алтайской губернии, первые творцы Октября в Алтайской деревне...

Такова, в общих и самых кратких чертах, история завоеваний Октября у нас.

Будущему историку революционного движения в Сибири предстоит нелегкая, но за то почетная задача: собрать во-едино все данные, относящиеся к этому моменту, не исключая и данных об Алтайской губернии.

И. Горный.